

Вячеслав Левкович

*Букет
пустыря*

Вячеслав ЛЕВКОВИЧ

Букет пустыря

Стихи, поэма

Минск
2002

Левкович В.

Букет пустыря. Стихи, поэма / В. Левкович. 2002. — 64 с.

Вячеслав Иванович Левкович родился в 1935 году в деревне Доры, что на Воложинщине, в семье крестьянина. Раннее детство его пришлось как раз на годы оккупации — гитлеровцев и их холоуев-полицаяев запомнил на всю жизнь: они сожгли в церковь местных жителей и всех заживо сожгли... Его семье частично чудом удалось спастись, трое младших братьев сгорели.

В. Левкович служил в Советской армии (1954-1957) в Петербурге и г. Пушкине. Закончил отделение филфака БГУ (1963), работал в школе-интернате учителем, в редакциях газет «Во славу Родины» и «Вечернем Минске» корректором, редактором научно-технической литературы — в отделе НТИ «Техэнергохимпром» НПО.

В книгу «Букет пустыря» автор включил лишь свои ранние произведения — стихи и поэму. Сейчас он занят исключительно прозой. Пишет рассказы и повести.

Живет в Минске.

*Тишу не новь – для палноты.
Я знаю, что не все воспетьо,
что есть нюансы красоты
и не замеченные где-то...*

В.М.

ОСЕНЬ

Над полями густые туманы,
всюду грязь непролазно лежит,
небеса облаками устланы,
без конца мелкий дождь моросит.

Нет скучнее поры этой года —
молчаливы леса и поля,
словно в сон погрузилась природа,
оскудела на зелень земля.

1952

ЛЕС

Что же может быть прекрасней,
чем зеленый лес?
Разве синь высоких, ясных
голубых небес.

Вечно юный, обновленный,
каждую весной
покрывается зеленой
мягкою листвою.

Под шатром берез и елок
перезвоны птиц —
сколько их, певцов веселых:
зябликов, синиц.

Небольшой ковер поляны
солнцем освещен,
и повсюду — непрерывный
насекомых звон.

Где ольхи густые ветви
кружева сплели,
родничок едва заметный
бьет из-под земли.

12. 1952

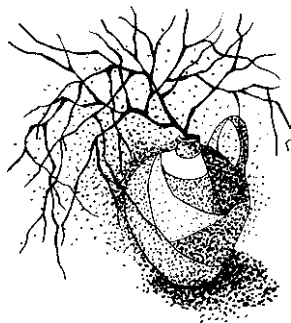
ОСУЖДЕНИЕ

До слез обидное подчас
я слышу о себе сужденье...
Прощаю молча всякий раз,
в душе лишь чувствуя презренье.

И соглашаюсь тут же: «Пусть —
терпи, неси сужденья бремя,
ведь не окончен жизни путь,
и оправдает меня время».

По жизни коль с добром идешь
в своей надежности уверен
и, осуждая зло и ложь,
я, как всегда, лишь правде верен.

18. 04. 1953

О НАСТУПИВШЕМ ГОДЕ...

Вот настал январь холодный,
с ним пришел и Новый год:
то ль богатый, то ль голодный —
нам неведомо вперед.

Под дождем ли непрерывным
пропадет упорный труд,
или крупные градины
хлеб на корне отобьют.

Иль засушливое лето
уничтожит все в полях...
Ну, а если, скажем, нет — то
будет хлеба в закромах!

Словом, ряд причин различных
надо нам иметь в виду,
может всякое случиться
в путь свой начавшем году.

1.01.1954

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Посмотрите кругом
на луга и поля —
за ночь белым ковром
вся покрылась земля.

Первый снег детворе
праздник, радость принес:
целый день на дворе —
нипочем ей мороз.

11.01.1954

ОСЕЛ

(Басня)

Ослу однажды мысль такая
внезапно в голову пришла,
что не мешало бы поправить
свои служебные дела.
«Живут же, вон, другие звери,
достигли аж каких высот:
царем зверей стал Лев, к примеру,
на воле смело Тигр живет.
А тут — трудись, тяни век лямку —
вози хозяина и кладь,
что до наград и прочих рангов —
на этом фронте тишь да гладь. —
И, окрыленный мыслью новой,
сказал он сам себе: — Пора!
Не век же быть Ослом дворовым...» —
и в лес подался со двора.
С поклоном к Тигру заявился,
свои обиды изложил
и тут же с ним договорился —
к нему на службу поступил.
Был лютей хищник рад не в меру,
что встретил верного слугу,
и обещал ему карьеру
среди близких лиц в своем кругу;
сулил высокие награды
и министерские посты,
подарки, крупные оклады,
медали, звезды и кресты.
Осел слугою стал примерным —
по нраву жизнь пришлась ему,
во всем прислуживал усердно
он господину своему.

А что за труд при господине —
умей ему лишь услужить:
сам позаботится о чине,
решит, когда, чем наградить.
Готовил Тигра он в походы,
свои напутствия давал,
а Тигр все новые «народы»
в лесах окрестных покорял.
И вот — Осел стал казначеем,
одним из лучших сторожей
всех поступающих трофеев —
плодов разбоя, грабежей.
Не зная отдыха, покоя,
а иногда забыв про сон,
оберегал дары разбоя —
все исполнял прилежно он.
Осел служил, как раб, старался,
но глух к нему хозяин был
и о чинах не заикался —
обеты все свои забыл,
высокомерно с ним держался,
порой смеялся и трунил.
Осел же — только улыбался
и все безропотно сносил.
Однажды против звероеда
поднялся весь животный мир:
была великая победа —
бежал, спасаясь, злой вампир.
Осел же все стерег трофеи,
не зная, что пришла беда...
И, как помощника злодея,
его казнили без суда.

Вот так окончилась карьера
осла, искавшего чинов...

А басня в качестве примера
пускай послужит для ослов.

15.01.1954

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Судьба моя мне неизвестна,
но коль она меня хранит,
признаюсь в тайных мыслях честно:
роль в деле важном предстоит.

Быть может, в жизни не случайно
я лиру спутницей избрал,
но знал с тех пор, что изначально
путь должен быть мой идеальным,
коль на него однажды стал.

А днем ответственным наметил
для сверки целей на пути
день появления на свете —
я за него тепер в ответе —
и мне уверенно идти.

Явился я не для забавы —
пороки чтоб искоренить.
Ложь, подлость — прочую отраву —
все то, что ум отверг по праву —
все зло, мешающее жить.

26. 05. 1954

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Вокруг стояла тишина.
Светила бледная луна.
На землю тихо падал свет,
сгущая тени.

В глубокой бездони небес,
роняя слабый свет на лес,
подобно дальним огонькам,
светились звезды.

Они в бездонной вышине,
как бы подмигивали мне,
к себе заманчиво влекли,
сверкая нежно.

Огромный мир, объятый сном,
был весь наполнен волшебством.
Таил загадочность в себе —
казался сказкой.

17. 06. 1954

* * *

С. Д.

Привет, красавица моя!
Я рад всегда с тобою быть —
ты, словно солнце для меня,
что только начало всходить...

22. 06. 1954

ВЕЧЕРИНКА

Заливаются октавы —
изощряется баян...
И танцуют пары браво
вальсы, танго, подыспан.

Крутят быстрые фокстроты,
польки бурные в галоп:
вправо, влево повороты,
то с присвистом, то впритоп.

Хата вся дрожит и стонет,
смех залиvistый, галдеж,
бубенцы призывно звонят —
веселится молодежь.

26. 06. 1954

ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ...

Мне не забыть тех страшных лет,
когда был мир охвачен горем,
в дыму пожаров меркнул свет,
стояло слёз и крови море.

Дрожали воздух и земля
от стоны, грохота и гнева.
И позабытые поля
скучали годы по посевам.

Когда прекрасный рай земной
вдруг обернулся страшным адом,
текла людская кровь рекой,
дышало небо трупным смрадом.

И в ход был пущен весь запас
всех пыток самых изощренных,
и до сего дня не угас
людей крик заживо сожженных.

11. 1954.

ТРИ ЕЛИ

В высокое небо взметнувши вершины,
три ели в усадьбе крестьянской росли.
Иголочек колких густую щетину
и шишек наряд они гордо несли.

Судьбой незавидной и я им — товарищ:
терпели, страдали совсем без вины;
они, как и я, очевидцы пожарищ
и чуть ли не жертвы жестокой войны.

В тяжелое время приютом нам стали,
густыми ветвями укрыв наш шалаш.
Под грозами, бурями вместе дрожали
и радость-беду из одних пили чаш.

Суровые годы войны пролетели,
оставив наследьем пустырь для меня,
лишь чудом спасенные, мы уцелели:
огонь их не взял, я ж — бежал из огня.

Еще зеленеть бы им долгие годы,
прохожих приветствовать взмахом ветвей,
приютом служить бы в часы непогоды,
защитой от ветра, внезапных дождей.

Но время решило судьбу по-иному —
оно беспощадность хранило войны:

пришла им пора стать частицею дома,
крестьянской избенки в четыре стены.

20. 06. 1955

В ЛАГЕРЕ ОСЕНЬЮ...

На возвышенной площадке
возле леса, у реки,
потемневшие палатки,
как намокшие стожки.

Осень скучная дождями
переполнила наш быт.
Мы не заняты делами —
значит, время не спешит.

Вспоминаем о свободе,
ждем приказов, новостей
и тоскуем по погоде
улетевших летних дней.

19. 09. 1955

МОИ «ДРУЗЬЯ»

Медленно в печке дрова догорают,
льется приятным потоком тепло.
Прошлое в памяти тихо всплывает —
мысли о том, что давно протекло.

Блики чуть светятся тусклым багрянцем,
синие гребни последних огней
гаснут, запрыгав вдруг в бешеном танце,
тени ложатся на стопку углей.

Думы навеяли смутное чувство
тайной неловкости перед собой,
горечи легкой, обиды и грусти,
нахлынувших разом незримой волной.

В мыслях о дружбе, друзей вспоминая:
«Где вы теперь?» — я воскликнуть желал. —
Где наш союз и пора золотая,
дружба и верность, о чем я мечтал?»

Чувство неловкости — было ответом:
верных друзей я пока не имел...
В печке угли отцвели первоцветом,
мрак торжествующе всем завладел.

10. 01. 1956

КЮХЛЯ

Ю. Тынянов «Кюхля»

Герой мятежный, незабвенный,
как друг его, как сам лицей,
для поколений неизменный
преподнесен нам в книге сей.

Предпочитал уединенье,
горяч, обидчив, вспыльчив, смел...
В ответ обидам — жажда мщенья.
Друзей почти он не имел.

Самолюбив был и тщеславен.
Писал стихи, забыв про сон.
И слушал сам его Державин,
а значит — был поэтом он.

Фигурой длинною, согбенной,
насмешкам повод подавал.
И необычным поведением
он смех всеобщий вызывал.

— Характер, Кюхля, твой капризный, —
сам Пушкин — лучший друг — изрек. —
Умру я — вспомнишь с укоризной:
друзей не знать тебе вовек.

Был прав поэт, прекрасно зная,
что тот, подвластный злой судьбе,
другим быть в тягость опасаясь,
был только в тягость сам себе.

Настал период приключений,
поездок дальних и тревог...
От грабежей и покушений
не пощадил его злой рок.

Не мог терпеть несправедливость.
Гоним жестокою судьбой,
искал он всюду край счастливый —
и в ссылке лишь нашел покой.

11. 01. 1956

УСАДЬБА

Вписавшись в небо пышною копною,
раскинув плотный зелени шатер,
запрятали деревья под листвою
постройки три крестьянские и двор.

Дубы и липы — все в шатер единый
ветвями дружно меж собой сплелись,

взметнули ели ввысь свои вершины,
по-братски клен и ясень обнялись.

Над зеркалом пруда склонилась ива,
вплотную к ней прижались тополя.
Березки рядом, стройные на диво,
а там — кругом раскинулись поля.

Но было так в период довоенный,
затем все стало — тленом и золой...
И только дуб все тот же, неизменный,
стоит, как мира верный часовой.

15. 02. 1956

ЕЕ ГЛАЗА

Не покидает удивленье,
хотя гляжу не первый раз...
Мне не понятно выраженье
ее красивых, нежных глаз.

Он озорной и чуть печальный —
какой-то странный томный взгляд,
как будто в нем сокрыта тайна,
которой выдать не велят.

Хочу проникнуть в эту тайну,
найти любовь в ее глазах:
ловлю штрихи примет случайных —
бровей, ресниц изгиб и взмах.

И тут же прочь гоню желанья —
влюбленным не пристало быть:
там, где любовь — там и страданья...
А лучше все-таки — любить!

25. 05. 1956

ФОТОКАРТЧКА

Смотрю я на лик неподвижный —
как милы мне эти черты! —
и радостно, что тебя вижу,
хотя и отсутствуешь ты.

Быть может, и ты вспоминаешь
любви пролетевшие дни,
и так же, наверно, мечтаешь
о том, чтоб вернулись они.

22. 02. 1957

В СИВЕРСКЕ

Промчалось прекрасное лето,
считай, что прошел и весь год,
и думать мне больно об этом —
как медленно время течет!

От маршев гудят мои ноги —
солдатская служба строга:
однажды сыграют тревогу —
и кинут в объятья врага.

И будет все это серьезно,
и я, может быть, упаду...
Все выглядит слишком курьезно —
в наряд я на кухню иду!

4. 09. 1957

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ

Судьбы невидимые волны
моей изменят жизни путь,

и я, надежд великих полный,
вновь устремлюсь куда-нибудь.

Теперь — уверен! — по-иному
судьбы моей направлен луч:
я не спешу к родному дому,
хоть и ношу с собою ключ.

Мои девизы, как и прежде:
свобода, истина и труд,
они — одна моя надежда —
к заветной цели приведут.

Моей дорогами Отчизны
вслед за мечтой отправлюсь я...
По перекатам бурным жизни
плывет судьбы моей ладья.

6. 06. 1957

ЖЕЛАНИЕ...

Как зелень юная весны,
как нежность утреннего неба
и как волшебный свет Луны,
и летних рос обильных нега, —
будь таковою вечно жизнь —
поток стремительного бега!

8. 06. 1957

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИПА

Кто посадил тебя, какой весной
и кто судьбой печальной наградил,
ледея кто заботливой рукою,
для красоты и радости растил?..

Ты выросла в кругу своих ровесниц
и зеленью украсила наш двор,
совместно с ветром распевала песни
и стройным видом радовала взор.

В твоей тени приятно было летом
под шелестящим пологом листвы
дышать медовым ароматом цвета
и слушать шум таинственной молвы.

Мы вместе бед немало пережили,
и все же ты счастливее подруг:
войной сожженных, их давно спилили —
и пусто, скучно стало все вокруг.

31. 03. 1958

НЕПОГОДА

Тучи темные
закрыли
небо плотной
пеленой,
землю всю
соединили
морозящей
мелкой мглой.
Ни единого
просвета —
сумрак полный
над землей.
И не верится,
что где-то
ясный полдень
голубой.

7. 06. 1958

ЖАРА

Поблек простор, устав от зноя,
ведь бесконечно день за днем —
лишь только небо голубое
и хоть бы облачко на нем.

Тревожно в небо смотрят нивы,
поникли травы на лугах,
стоят деревья молчаливо,
осели реки в берегах.

К закату солнца жар спадает,
прохладой дышит ночи сень...
А утро снова обещает
такой же знойный душный день.

22. 06. 1958

ПОДЛЕЦЫ

Терпеть не могу я лгунов и бахвалов,
и подхалимов, льстецов, лицемеров,
а больше всего — подлецов и нахалов...
Я в доброе только и светлое верю.

Меж злом и добром существует граница,
однако ублюдкам она не помеха,
и лишь беспощадность прочтешь на их лицах,
когда добиваются в деле успеха.

Ничем не гнушаются ради корысти,
злобою желчной всегда одержимы:
подлая ложь, клевета и убийство —
вся эта гнусность у них применима.

Напрасны тут просьбы и уговоры:
не люди они — вибрионы холеры,
несут только страх, неутешное горе...
Ублюдки, убийцы — живые химеры.

21. 11. 1959

ЦВЕТОК

Склонилось солнце —
шло к закату,
подул прохладный ветерок...
Подобно бабочке крылатой,
сорвался с дерева цветок
и, ветром медленно гонимый,
кружась, направился к земле.
Он, потеряв свой дом родимый,
нашел пристанище в траве.
Здесь и простится с красотой:
дохнув на нас в последний раз,
угаснет,
как и все земное,
когда его приходит час.

27. 05. 1958

* * *

Зачем в удел досталась жизнь такая?
Ужель на этом жизненном пиру
я, радостей земных совсем не зная,
угасну незаметно и умру?

Плыву упрямо, волны разрезая,
и берег прежний мой исчез давно...
Сейчас бы мне причалить в гавань рая —
попасть бы в гости к Еве на вино.

30. 01. 1960

* * *

Теплом косых лучей согретый,
с окна мохнатый слез мороз.
За ним исчезли незаметно
изображения мимоз.

А за окном, весь в ярком блеске,
сверкая снежной белизной,
как подвенечная невеста,
стоял день ясный, озорной.

И купол неба ярко-синий,
чуть отражаясь в белизне,
поверх морозно-снежной стыни
распростирался в вышине.

Дул резкий ветер и холодный,
сыпучий снег куда-то гнал,
гулял, безудержно-свободный,
печали целый день не знал.

Как только скрылся шар багровый,
улегся ветер на покой —
и рисовать узор стал новый
мороз таинственной рукой.

31. 01. 1960

* * *

Гладью размашистой белое поле
простерлось без края в морозную даль.
Не видно конца тут простору, и воле —
легко на душе, улетает печаль.

В темных буграх наметенного снега
не светятся искры волшебным огнем,
так же за тучами прячется небо
и звезд потому-то не видно на нем.

2. 02. 1960

* * *

Всю жизнь —
то взлеты,
то паденья;
то весел я,
а то — уныл...
Зависит все
от настроенья
того,
что кто-то
подарил.
Вот и теперь:
я вновь оставлен,
с привычной
выбит колеи —

брожу, изменою
подавлен...
Дела
не клятся мои.
«Кидай стихи —
пиши романы!» —
твержу
себе я
каждый день.
Нет, я не стану
графоманом —
во мне
апатия и лень.

1960

* * *

В вечерней чуткой тишине
блестит во мраке гладь речная.
Застыл в бездонной глубине
такой же, звездный, мир без края.
При виде сразу двух миров
весь наполняешься тоскою,
и непонятный страх готов
мгновенно завладеть душою.
Но ум спешит восстановить
мир, воспроятем разделенный,
всплеск чувств обманных погасить —
и замираешь, вновь плененный
земли и неба красотой,
воды спокойной отраженьем,
луны сияньем золотой,
листвы опавшей шелестеньем...
Чудес таинственных полны
далекий мир и гладь речная.

И свет разлитой желтизны
любовью душу наполняет.
Объяла все немая тишь,
вокруг застыла позолота...
Как заколдованный, стоишь,
забыв житейские заботы.

20. 05. 1960

ГОЛОС НЕИСПОЛНИМОГО

Напрасен спор с Неисполнимым:
его презренно-зоркий глаз
с улыбкой дерзкой херувима
сопровождает всюду нас.

Манит оно в миры свободы,
чтоб утолить желаний страсть,
из глубины самой природы
всему свою диктует власть.

Рассудка голос бесполезен
в борьбе с желаньем роковым,
мир утоленья слишком беден,
стесненный бременем земным.

Здесь непонятный рой сплетений
и звон невидимых цепей,
для всех желаний и стремлений
ряд уготовано сетей.

Меж чувством и самой натурой
идет, кипит неравный бой,
в противоречиях сумбурных
давно возникнув сам собой.

Огнем зловещим грудь пылает,
в угаре пьяном кровь бурлит
и ужас за душу хватает,
мысль монотонно мозг сверлит.

Родившийся в ужасной схватке
чувств непонятных ураган,
в сумбурном страшном беспорядке —
бурлящий, грозный океан.

Готовый все смести земное,
что пропиталось ядом лжи,
оставив светлое святое, —
все правде должное служить.

Тут цель хороших побуждений —
источник частых первых бурь —
и невозможность исполнений.
Отсюда хаос и сумбур.

И вновь спокойно-безразличен,
растратив силы для борьбы,
опять становишься привычным
ко всем превратностям судьбы.

Но жаль Желаемого мне,
хотя оно не исполнимо,
и я бы счастлив был вполне,
не слыша зова херувима.

27. 05. 1960

* * *

Пронеслася тучка —
ожил небосвод:

дружно заискрился
звездный хоровод.
И стоит немая
тишина вокруг...
Чей-то странный шепот
раздается вдруг —
будто бы природа,
думу затая,
посвятить собралась
в тайны бытия.
И такая легкость —
тут бы и взлететь
и на мир прелестный
с высоты глядеть.
Прелесть летней ночи
без конца вдыхать...
И весь мир чудесный
хочется обнять!

20. 07. 1960

* * *

Престранно наш устроен мир:
движенье вечное, дороги...
А жизнь вся — просто горький пир,
одни заботы и тревоги.

Судьба — сплетение путей
и темперамента черт личных.
Пути различны у людей
и их характеры различны.

Есть с праздным духом род людей,
которым жизнь — река свободы.
В хмелю пиров, в кругу друзей
проходят их благие годы.

Гораздо больше таковых,
кому безделья шум — досада.
И в дни событий роковых
для них борьба — души услада.

Но есть немало и таких,
кому шум бурной жизни в тягость,
по существу и жизнь для них
не столь уже большая радость.

Сердца в их горестной груди
тоски и скуки не выносят
и от невзгод всех на пути
свободы постоянно просят.

О, пощади же их судьба
в минуты горьких испытаний,
когда с невзгодами борьба
приносит множество страданий.

Неужто юность для того,
чтобы в тоске она завяла
и, не изведав ничего,
прошла бесследно и пропала?

23. 07. 1960

ЛОДЫРЮ

Коль работать — чтоб кипело.
Отдыхать — так отдыхать.
Если взялся ты за дело —
значит, нечего стоять.

Значит, всем одно — работа,
никаких других забот.

Неприятно, если кто-то
ждет, стоит, разинув рот.

Вот такого бы — в витрину
хоть на день установить:
может, понял бы причину,
а еще — как надо жить.

24. 07. 1960

* * *

Всем
богатством
красок дивных
переполнен
мир дневной.
Синева глядит
призывно
с высоты
на рай земной.
В непрерывном
тихом звоне
слышен
вечности полет.
Взгляд
в прозрачной
дали тонет,
сердце вздрогнет
и замрет.
А душа —
поет,
ликует,
позабыв
тревог печаль.

Лаской небо
взор чарует
и зовет
куда-то вдаль.

1961

ОТСТАВНИК

Лишь только он на свет родился —
такой герой, что и сказать! —
дар первой речи проявился
в желании повелевать.

А повзрослев, сказал: «Мне надо
руководить... Я ведь не прост!»
И во главе большого стада
он скоро занял видный пост.

И время шло без изменений,
и даже он мечтать не смел
в предоставление свершений
каких-нибудь геройских дел.

И лишь однажды враг двурогий —
худой и злой колхозный бык —
его бодал в живот и ноги...
Косцы все бросились на крик.

Нашли в копне еле живого,
а разъяренного быка
прогнали кольями в облогу,
намяв как следует бока.

Судьбой и временем замечен —
он в бригадиры избран был,

а там — и орденом отмечен,
который честно заслужил.

В потоке дней лихих, событий
врагам пощады не давал,
и гимнастерку он на китель
сменил, как офицером стал.

И тут, скажу вам без утайки,
ему посыпались чины,
как у заботливой хозяйки
на завтрак теплые блины.

Менялись званья и погоны...
Войны иссяк смертельный шквал.
Раз позолочены шевроны
на рукавах — знать, генерал!

Он подобрал себе невесту
моложе на десяток лет.
Назначен был завхозом треста
и заимел свой кабинет.

Жил отставник по-уставному
и остальным так жить велел —
не мог он мыслить по-иному,
иначе думать не умел.

Так он завел свои порядки:
всех подчиненных обязал,
чтоб каждый, начав с физзарядки,
отбоем день труда кончал.

Он честь порочил генерала,
слывя пустейшим чудачком...

По струнке перед ним стояла
тетя Клава с мусорным мешком.

04. 1961

УВЯДАНИЕ

Шорох опавшей листвы под ногой —
знакома прощальная музыка эта:
с ней ежегодно идут на покой,
угасшие перлы отцветшего лета.

Вспыхнул пожаром агонии лес,
разлившись обилием красок заката.
Вид его прежний — веселый — исчез,
не станет и осени красок богатых.

Так и закат убегающих лет
однажды мы с грустью осеннюю встретим:
пепельно-сизый висков наших цвет
напомнит о быстро промчавшемся лете.

9. 10. 1961

СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

Таинственной трелью
в движенье рожденный
невидимых струн
мелодичный разлив,
из недр бытия,
от частиц потаенных
плывет, не смолкая,
волшебный мотив.

И льется чуть слышно,
простор наполняя,
невидимый, мягкий
таинственный звон.
И тонкие струны души,
отвечая,
включаются в хор
и поют в унисон.

И медленно тонет душа,
замирая,
в стремленье постичь
этот тайный мотив,
сама разливается,
будто бы тает,
как тает у берега
водный прилив.

То льется широким
разливом просторным
и песнею полнит
бескрайнюю даль
иль тонкой, неслышимой
трелью минорной,
в душу проникнув,
рождает печаль.

Нахлынув
пленительной сладкой волною,
ласкает, томит
и волнует до слез.
И манит
с призывно-щемящей тоскою
в волшебное царство
несбыточных грез.

Поток непрерывный
обильного света
симфонией радужной
льется с высот.
И красками, звуками
знойного лета
свою бесконечную
песню поет.

И льется расплывшейся
в звуках мохнатых
незримой волною
таинственный звон.
А вот и конкретный
виновник крылатый —
парит предо мною
живой камертон.

Как будто из недр
отдаленного мира
ко мне протянул он
звенящую нить.
Высокою нотой
звучит его лира,
частицей симфонии
вечного «жить».

Размашистой музыкой
в буйном расцвете
звонит, не смолкая,
пестреющий луг,
а там, в вышине,
в голубом нежном свете
октавой парит
переливистый звук.

Леса изумрудные
мягкой листвою
задумчивым шелестом
тихо поют,
чарующей музыкой,
вечно живую,
незримые звуки,
ласкаясь, плывут.

Их шелесту нежному
вторит, вплетаясь,
разливистых песен
бурливый каскад,
звонит непрерывно,
в листве рассыпаясь,
симфонией пестрой
пернатых отряд.

И ветер поет,
над простором витая,
поет, трепыхая
листок в высоте,
и травка поет,
из земли вылезая...
Так песни повсюду
слышны красоте.

Жемчужною россыпью
ночь наполняя,
заливисто в рощах
поют соловьи,
а в травах высоких
всю ночь,
не смолкая,
стрекохут кузнечики
песни свои.

Раскатами гром
оглашает просторы,
проносится с вихрями
злой ураган,
громадными волнами
пенится море,
вдали, низвергаясь,
грохочет вулкан.

Родник, пробиваясь,
журчит ручейками,
совсем не бесшумно,
и рыбы плывут.
Поют и пустыни
своими песками,
и даже таинственно
горы поют.

А выйди и вслушайся
в темень кромешную,
в самую звонкую
мертвую тишь —
услышишь чарующий звон
бесконечности
и даже
дыханье его ощутишь.

Поет и звенит бытие,
вся природа,
проносится время...
И каждой весной
играют восторженно
вешние воды
единую песню
единой струной.

31. 01. 1962

НАША ЖИЗНЬ

Жизнь — бесконечная струя...
Жизнь человека — лишь мгновенье
на фоне вечном передразг.
К чему традиций эти нравы —
все в час один придет в забвенье
и на останках бытия
произрастут обильно травы.

В процессе трудоемких лет
существования земного,
стремясь на все найти ответ,
искали верное решение
и, не найдя пути иного,
ступив на явно ложный след,
впадали люди в заблужденье.

Потомки же, перехватив
укоренившиеся нравы
и часто в память предков их,
путей иных уже не зная
и изменять лишившись права,
стремились, больше укрепив,
их передать, не объясняя.

Они довлеют каждый час
над жизнью целых поколений,
стремятся вытеснить и нас,
но мы должны вмешаться в это:
освободясь от всех давлений,
все просмотрев в последний раз,
смести отжившее со света.

Но что теория? — Не верь, —
мне скажут скептики привычно. —
Так было раньше, а теперь
мы не допустим изменений:
пусть так и будет, как обычно...
Но, кто не верит — тем пример
я приведу без затруднений.

Живет себе старушка-мать,
имея взрослых дочь и сына.
Строга, серьезна, так сказать, —
блюститель древнего закона:
знать есть уже на то причина,
чтоб при себе детей держать,
ведь жили ж так во время она.

— Чтоб никуда из этих стен:
сидеть и ждать — придет к вам счастье!
Он вас обрадует, мой плен.
И дети ждут, сидят смиренно
и заглушают жизни страсти.
Так можно превратиться в тлен,
а психом стать — так непременно.

Заметить, кстати, будет к месту:
обоим им — полсотни лет,
но не внимая их протесту,
забыв пред ними свой ответ, —

она все ждет: придет рассвет...
Сын не искал еще невесту.
И женихов все нет и нет...

Но вот уж каждому за тридцать,
а все не видно перемен.
— Нет, с этим хватит нам мириться!..
Понятно всем — настало время
им порешить домашний плен:
со стариной пора проститься,
традиций уничтожив бремя.

И щекотливая дилемма
исчезла, как при всплеске круг, —
смысл потеряла эта тема.
Года идут неумолимо.
Мать испустила вскоре дух...
Как быть?!. Для них была проблема,
ведь время их промчалось мимо.

Так не сиди, пока ты молод —
живи, ненужный сняв запрет,
в могиле мрак и вечный холод...
А созидать в свободный час
нам нужно — это не секрет,
чтобы потомки добрым словом,
почаще вспоминали нас.

1. 02. 1962

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Родимым духом снова опажнуло —
такое было много лет назад.
В разлуке долгой чувство не уснуло,
как не угас и солнечный закат.

По-прежнему приветлив дом родимый,
знаком и близок каждою чертой,
и этот дух, такой неповторимый,
не заменимый прелестью другой.

Всплывает целый рой воспоминаний
давно прошедших и забытых лет,
в штрихах чуть уловимых очертаний
беспечный детства видится мне след.

Годами детства, юности мятежной
встают картины, исчезая вновь,
в звенящей тишине, в истоме нежной
мечты, как сон, и первая любовь.

Промчались годы, нету им возврата.
В душе остался горечи налет...
Гляжу я на последний луч заката —
он так же где-то скоро пропадет.

18. 11. 1962

ВЬЮГЕ НАПЕРЕКОР...

Снег лежит вокруг глубокий...
Незаметно день угас.
Нелегко в пути далеком
в зимний сумеречный час.

Воет ветер, снег кружится,
заметает гладко след,
а мороз крепчает, злится.
гаснет где-то дальний свет.

Кто он, дерзкий, одиноко,
всем ветрам наперекор,

вышел ночью в путь далекий
на завьюженный простор?

Холод злющий, муть вихрится,
ночи тьма да снег кругом,
вьюга взвизгивает, злится:
как ей справиться с врагом?

29. 12. 1962

ЗЛОДЕЙСТВО

Наш век —
не век душевного блаженства,
культурного прогресса
и ума:
чтоб полного
достичь нам совершенства, —
нелегко путь
и длителен весьма.
Причины есть —
не даром я не верю:
ум настоящий
должен быть умом!
И привести
не трудно ряд примеров —
поступков мерзких
с совершенным злом.
Они везде
в событиях наших дней.
Их даже
перечислить невозможно,
как таковых,
где с умыслом злодей
убить
себе подобного же может.

А поглядишь —
он тоже человек,
как у других,
такое же обличье.
Но как проверить,
что там в голове:
мозги шакальи
или, может, бычьи?
Пусть говорят,
что человек не хуже зверя,
что он владеет
дерзостным умом...
А я в такие рассказы
не верю:
ведь ум — ничто
в сравнении со злом!

12. 02. 1963

* * *

Встречный ветер лицо овевает,
монотонно и глухо шумит.
Непонятную песнь напевает,
бессловесную речь говорит.

А кругом — вихря пьяная пляска,
ветер воет, как волк на луну...
Я метелью согрет и обласкан,
и закутан в ее пелену.

Убаюканный музыкой вьюги,
вместе с нею я песни пою,
и милее мне знойного юга —
снега гладь и метелей уют.

Я люблю эти выюжные трели
и упрямого ветра напор,
весь в порывах мятежной метели
снежной мутью объятый простор.

Весь завьюженный, словно окован,
будто в сны погружен наяву,
я метелью насквозь околдован —
с ней единою жизнью живу.

24. 02. 1963

МОЛЧУ...

Опять в моей руке перо —
вновь шевелит ленивый ум:
готово в образах оно
запечатлеть пунктиры дум.

И мысль становится живой —
и слышится ее мотив,
вливаясь в формулы идей,
минуя пошлый примитив.

Для блага истины — молчу,
ищу надежный свой причал...
Я тайны все открыть хочу,
стремясь к началу всех начал.

На верном если я пути —
уверен: мысль моя и труд
помогут истину найти
и от оплошностей спасут.

21. 04. 1963

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Казалось, что мороз навечно
сковал землю, объял простор
и так же будет бесконечно
петь за углами вьюжный хор.

Дуть ветер будет непрерывно,
куда-то снег по насту гнать,
а по ночам в трубе надрывно,
волнуя сердце, завывать.

И никакой на свете силе,
казалось, с ним не совладать,
и хоть к нам солнце ближе было,
но не могло нас согревать.

Пусть незаметно, но все выше
шагает солнце в небеса,
и барабанит дождь по крышам,
и сплошь в проталинах леса.

Покрылся снег шуршащей коркой,
но непоседы-ручейки
под ним промыли русла-норки —
источник вод большой реки.

22. 04. 1963

СОСЕД

— Прекрасно наш устроен свет! —
твердил все время мой сосед.
Он в жизни всем доволен был,
всегда смеялся и шутил —
неутомимый был во всем;
с округлым, толстеньким брюшком,
лицом румяный, невысок —
точь-в-точь из сказки колобок.
Всегда был весел, суетлив
и до наивности болтлив.
Был надоедлив мой сосед —
обычно он вставал чуть свет
и приходил ко мне тотчас,
и всякой всячины запас
он богатейший приносил.
Сосед лишь тех знал и ценил,
кто в курсе всех событий был.
По новостям он был мастак —
все знал: где сколько было драк,
и кто где был, куда ходил,
в тот день в каком костюме был,
и кушал даже сколько раз...
И прямо скажем, без прикрас:
все было точно сочтено,
событий целое звено
картиной общей выступало
и никого не удивляло.
Его я слушал и молчал,
порой сомненье выражал
иль подмечал отдельный факт,
коль что-то виделось не так,
хоть он и слушать не хотел

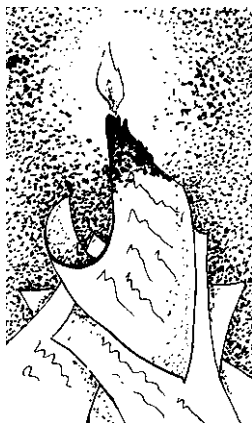
и, как повозка, тарахтел
вскачь по булыжной мостовой,
несясь за тройкой удалой.
А иногда ему назло
всех поносил и все село,
но втайне думал без греха:
«Все это просто чепуха,
нельзя ведь время тратить зря —
покончить с этим бы пора.
Не лучше ль книгу почитать
или же просто помечтать,
а нет — запомнить пару слов
из иностранных языков...»
Однажды в сумеречный час
сосед обычный вел рассказ,
а я все слушал и молчал,
но все-таки ему сказал:
— Не стоит даром тратить слов,
ведь твой рассказ не так и нов,
его я слушал и вчера —
чуть измененный вариант,
и завтра — снова будет то ж...
А вообще — все это ложь,
набор различных пустяков,
лишь разве что для дураков.
И вдруг сосед мой, побледнев,
пришел тотчас в великий гнев:
— Да что с тобой тут говорить!..
К тебе нельзя мне приходиться,
всегда ты мрачен и тосклив,
сидишь, язык свой проглотив,
лень произнести хоть сколько слов...

Других учить ты — будь здоров!
Вот и сиди себе, скучай,
ну а я... Пока, бирюк, прощай! —
И дверь открыл. Поморщив нос,
он на прощанье произнес:
— А все же — как прекрасен свет! —
и сгинул с глаз моих сосед.
С улыбкой я смотрел на дверь:
вот и свободен я теперь,
никто мешать не будет мне —
я в том уверен был вполне.
И время ценное зазря
теперь не буду тратить я.
И машинально зашагал
я прямо к двери, постоял
в раздумье грустном, а потом
уселся важно за столом,
стряхнув неловкости налет,
сказал решительно: — Вперед!..
Берись за книги и читай;
стихи, рассказы сочиняй —
свобода полная в тиши:
твори, выдумывай, пиши!
За книгу брался, за тетрадь,
смотре-л, откладывал опять,
вставал, по комнате бродил
и все никак не находил
разумной мысли ни одной —
как будто каменной стеной
был отделен от мира я..
Сбежали мысли от меня.
Все в пустоту стекает, прочь,

и я ничем себе помочь
уже не в силах... Обокрал
себя, поэтому страдал.
Но вдруг мелькнул в туннеле свет:
— Недурно наш устроен свет!.. —
во весь я голос произнес,
и мною был решен вопрос:
чтобы прекрасен был мне свет —
необходим еще сосед.
И чтобы он веселый был,
всегда смеялся и шутил —
тогда любая тишина
нам вместе будет не страшна.

Я ночью той не мог уснуть,
а утром рано двинул в путь —
и свой туда направил след,
где проживает мой сосед.

26. 05. 1963

ВОСХОД ЛУНЫ

Молчал в величье океан Вселенной,
торжественно мрак ночи наступал
и, как титан незримый дерзновенный,
лучи дневные света поглощал.

А на востоке мрачною громадой
застыл колосс в безмолвии немом —
массивных туч могучая армада —
в безбрежном океане мировом.

Багровым небо озарив сияньем,
как вдалеке невидимый пожар,
всплыл и повис в торжественном молчанье
над горизонтом раскаленный шар.

Мрак оживился чудотворным светом
и зазвонил застывшей тишиной,
попрятал где-то звезды и планеты,
разлился позолотой над землей.

Притихло все в незыблемом покое,
таинственным покровом облеклось,
и мрака тень накрыла все живое,
волнение природы улеглось.

Все выше шар, все меньше и бледнее,
вот диск ветвей коснулся чуть ребром,
и стала тишина еще светлее,
наполненная звонким серебром.

Умолк весь мир, объятый сном глубоким,
недвижим воздух, чуток и душист...
И словно вздохом грустно-одиноким
нарушит тишину упавший лист.

12. 08. 1963

ПУТИ В НАУКУ НЕ ЛЕГКИ...

Волной незримой времена
уносят жизни в бесконечность,
и лишь немногих имена
жить остаются в мире вечно.

Поклон вам, дерзкие умы,
титаны мысли и прогресса!
Вы мир так вывели из тьмы,
как заблудившихся из леса.

Изобрела великий Ум
сама Природа для познания:
всходил ростками первых дум
он на заре существованья.

Пусть слабым проблеском луча
среди многих тысяч одинокий,
в стену глухую тайн стуча,
он робко щупал мир жестокий.

Еще пусть не был он велик,
но ценен был тем первым шагом,
как тот, спасительный родник,
который жаждущим дал влагу.

Природа выдала секрет
пусть незначительных явлений:
не сразу истина на свет
извлечена была из тени.

Тьма угрожала бытию —
и прозябали люди в скуке.
Но кто-то первым колею
уже прокладывал к науке.

Умов отдельных огоньки
подспудно тлели в одиночку.
Извечных истин ручейки
в открытий тех вливались строчку.

И, раздвигая толщу тьмы,
постигнув многие секреты,
лучами-мыслями умы
объяли вскоре всю планету.

Мысль разливалась вглубь и вширь,
стремясь постигнуть суть явлений
и силы, движущие мир,
секреты множества движений,

где место Солнца и Земли,
и все устройство мирозданья,
и что в пространстве там, вдали,
и как велики расстоянья

до звезд далеких и планет,
и где проходят их орбиты,
и почему, как Солнца нет,
от взгляда звезды все сокрыты?..

Добрался ум до существа,
разведав тайны по крупицам,
глубин строенья вещества
открыл незримые частицы.

Вопрос частично разрешен —
и сняты многие проблемы:
везде господствует закон,
повсюду стройная система.

Не легок был познания путь,
отваги стоило не мало
преграды все перешагнуть,
убрать догматиков завалы.

Остановить вас не могли
угрозы, пытки и запреты,
сквозь мрак невежества несли
святую истину вы к свету.

Великих самых имена
до нас дошли сквозь гул столетий.
Идей их смелых семена
разнес по свету мудрый ветер.

Джордано Бруно, Галилей
и Демокрит, Декарт и Кеплер,
Коперник, Ньютон, Птолемей...
Не перечить имен нам всех их.

Нас поражает и сейчас
вся дерзость ваших аргументов.
Вы с нами, смотрите на нас —
с картин, портретов, постаментов!

Хоть ряд проторено путей,
любой путь новый легким не был:
чем дальше, глубже — все трудней
познание тайн Земли и Неба.

Не раз казалось: все, предел,
исключены все варианты,
но мыслью мир не оскудел —
вновь появляются гиганты.

Их именами каждый горд,
произнося благоговейно:
Бор, Ферми, Паули, Резерфорд,
чтим Менделеева, Эйнштейна.

Познания дерево растет,
число ветвей приумножая,
а чей труд вложен в его плод —
не думаем, употребляя.

14. 09. 1963

НОЧНАЯ ГРОЗА

Сменился зной вечерней духотою,
громადной тенью надвигалась ночь
и, замещая свет дневной собою,
все дальше оттесняла его прочь.

А день, покрытый розовой вуалью,
за горизонт все дальше отступал
и где-то там, за дымчатую далью,
теснимый мраком, тихо угасал.

На юге небо вспышками блестело,
и доносился отдаленный гром,
а через час, когда совсем стемнело,
все полыхало грозovým огнем.

Лавиной мрачной надвигалась туча —
обрушился на землю ветра шквал,
и от раскатов небосклон могучий,
казалось, весь шатался и дрожал.

Мрак ночи вспышка располосовала,
змеей огнистой соскользнув с небес,

ужасный треск — аж землю закачало! —
внезапный взрыв потряс ближайший лес.

Но вновь мрак ночи вспышка поглотила,
враз осветив клокочущую муть, —
опять удар зловеще-страшной силы,
бурлящей тьмы неслышанная жуть.

Сидишь, застыв в тревожном ожиданье,
глаз не сводя с коварного окна:
не верится, что вскоре испытанью
придет конец, наступит тишина.

И так всю ночь под грохот канонады,
впитав накал исчезнувшего дня,
швыряло небо вниз свои заряды —
могучий сплав удара и огня.

Остались утром лишь воспоминанья,
как о кошмарном неприятном сне,
о тех минутах страха, ожиданья...
Улыбка снова — солнцу, тишине!

1964

ПРОЩАЛЬНЫЙ АККОРД

Зима вдруг вернулась, с озлобленным воем
обрушив на землю метель и пургу,
весна отступила, не выдержав боя,
запраталась где-то в глубоком снегу.

Пуускай же беснуются вьюжные ветры
и с песней прощальной вихрится метель —
снег скоро растает, лучами согретый,
завонит певуче живая капель.

Земля оживет и воспрянет природа,
очнувшись от долгого зимнего сна,
а снег превратится в обычную воду,
и зеленью нам улыбнется весна.

2. 04. 1964

РАЗНООБРАЗИЕ

Долго на месте одном усидеть,
известно, никак невозможно.
В точку одну бесконечно глядеть:
минуты не выдержишь — сложно.

Однообразием взор утомлять
не стала нас мудро природа,
так что — не надо на Бога пенять,
когда негодует погода.

Разнообразие — всюду, кругом:
его бы, увидев впервые, —
так и застыл бы в безмолвье немом,
на прелести глядя земные.

Нас окружает немало чудес:
в страду и во время досуга
мы восхищаемся синью небес,
цветеньем весеннего луга.

Множество красок и видов, и форм —
несметное разнообразие...
И поражаешься стойкости норм,
богатству природной фантазии.

Если бы краски вдруг мир потерял
и стало все серым, безликим, —
жутким, безрадостным сразу бы стал
пейзаж до безумия дикий.

Каждая встреча с любой новизной
нам дарит огромную радость.
Так же любимы мы красотой
и всем, что приносит усладу.

Как велика к путешествиям страсть —
их ждем с необычным волнением,
полностью мы попадаем во власть
несущих восторг впечатлений.

Однообразия я не терплю...
Скажите, а кто его любит?
Тайно себя я на мысли ловлю,
что часто оно нас и губит.

10. 04. 1964

ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

Нам дорог каждый уходящий день —
частицу жизни он с собой уносит.

Запечатлеть хотя бы его тень
желанье, а порой рассудок просит.
И мы готовы бережно хранить
все, связанное с чем-то для нас важным,
что позже вновь способно воскресить
событий тех картину не однажды.
И вот — в шкатулке, в тайном уголке
из года в год растет число реликвий:
записки, письма, строчка на листке,
что смысл таит порой сугубо личный;
тетради, книги первых школьных лет
и записей увесистая пачка,
кино просмотра первого билет
и даже нерешенная задачка;
любви свидетель — высохший цветок,
попавшийся сюда, в приют бумажный,
и неудачный собственный стишок —
вот перечень не всех реликвий важных.
В досуга час порою посидеть,
в воспоминанья снова погрузиться,
реликвии решаем просмотреть —
на миг какой-то в юность возвратиться.
...Забыв про возраст, время и дела,
идем по жизни, будто бы сначала,
и лишь очнувшись, вспомним: жизнь прошла —
и снова возвращаемся к финалу.
Число реликвий медленно растет,
уже шкатулка стала тесновата,
серьезней стали, интерес не тот:
напрасный труд и времени затрата.
Проходят годы, настает пора:
на вещи смотрим взглядом равнодушным,
и то, что было дорого вчера,
сегодня просто кажется ненужным.
Но вот однажды... Да, в последний раз,

все просмотрев, отбрасываем жалость:
решаем уничтожить все зараз...
А сколько жизни той уже осталось!
В огонь спешим все бросить поскорей,
хоть жаль до слез и на душе так горько!..
И видим ценность жизни всей своей —
всего лишь пепла маленькая горстка.

14. 04. 1964

САДОВНИК

Он, вечный труженик земли,
всю жизнь пахал, сажал и сеял.
Чтобы весной сады цвели,
землю-кормилицу лелеял.

С косою ржавою не раз
старуха в черном приходила...
Он без труда давно б угас —
ему земля давала силу.

Ни от кого не ждал наград
и не гадал, что завтра будет.
Взращенный им прекрасный сад
остался, будто сказка, людям.

21. 04. 1964

РЕКВИЕМ

Н.

Бескрайний выцветший простор
печальным маревом подернут:
холмы, овраги, косогор
и кукурузы шелест скорбный.

Кругом полей пустынных — даль,
кой-где разбросанные хаты.
Весь мир объявшая печаль
и боль великая утраты.

Сквозь дымку солнца тусклый свет
глядел на землю равнодушно —
ему и вовсе дела нет
к земным делам, заботам, нуждам.

Поднялся ветер, засвистел
и застонал тревожным воем —
он гимн печали вечной пел
и пыли столб метал над полем.

Лист одинокий трепыхал
в ветвях березки сиротливо...
Я пару все ему искал,
но одинок он был на диво.

30. 04. 1964

НЕПОСЕДЫ

Любопытный подростки народ —
лазят, ищут по ямам трофеи:
кто — ржавую гильзу найдет,
а кто — секцию от батареи...
Как красиво в осеннем лесу —
любовался бы им часами!
Но подростки не видят красу —
каждый занят своими делами.
Незнакомую штуку нашли,
с ней упорно возились, стучали,
все оставить никак не могли
и забросили, как разобрали.

Вот на дерево кто-то полез —
заразительна сила примера! —
мол, кто первым увидит весь лес,
будет лидером — каждый уверен.
Кто всех выше — закончили спор:
лидер избран, ему дали слово.
Предложил он: «Запалим костер!...»
Непоседы забегали снова:
коль костер — настоящий чтоб был,
его пламя — повыше чтоб леса!
Ни труда не жалеют, ни сил
для веселого всем интереса.

1. 05. 1964

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ

Простор весь — сплав тепла и света,
смесь синевы и блеска вод,
весны дыханием согретый,
сплошной улыбкою цветет.

От этой радостной улыбки
невольно щурятся глаза
и выраженьем чувств избытка
блестит непрошенно слеза.

И солнца стрелы золотые,
впиваясь мягко в грудь земли,
оковы холода литые,
разбив, расплавили, сожгли.

Земля очнулась, шумно дышит...
И пусть еще хрустит ледок,
но уж повсюду громко слышен
ручьев веселый говорок.

Вширь разлилась, заговорила
могучим рокотом река,
весной разбуженная сила
рек поглотила берега.

9. 05.1 964

КАРТИНЫ ДЕТСТВА...

1

Из толщи многих лет далеких,
из глуби вытекших времен,
как фолиантов древних строки —
картины детства, будто сон.

В истоме солнца день рожденный,
объятый чуткой тишиной,
встает, величьем окаймленный,
пленяя дивной красотой.

В настое трав медово-сочном —
обильной удали разлив.
Душисто свеж простор молочный
и запах стойкий зрелых нив.

В обширном море рос пречистых
рассыпан солнца дивный свет.
Сверкает бисером огнистым
природы радужный букет.

Луг разноцветьем трав веселым,
лаская взор, благоухал —
там без конца носились пчелы,
звон нескончаемый стоял.

Забавно бабочки резвились,
как бы ожившие цветы, —
в нагретом воздухе кружились
создания дивной красоты.

Под ветром нива волновалась
и тихо колос шелестел,
и шелест этот, мне казалось,
какой-то тайный смысл имел.

2

Поблекший день дохнул прохладой,
заметно потускнел простор.
Окутан дымкой синеватой
лесистый скат далеких гор.

Вдали, за самым небосклоном,
весь залит светом знойный юг,
лазурь искрится мягким тоном,
как бы готовясь вспыхнуть вдруг.

На землю тихо опустилась
ночная темь и тишина,
а с неба чистого струилась
сокрытой тайнописи мгла.

В подлунном мареве, как будто
волшебник взмахивал крылом,
и непонятым тоном, смутно
читал мне сказку перед сном.

Рой необычных впечатлений
потоком сладким в душу тек...
Приятных детства искушений
я позабыть так и не смог.

Потоком в душу мне вливался
простор созвездий и светил,
и в умиление превращался,
в гармонию душевных сил.

Как отзвук тайный жизни вечной,
как дар невидимый небес,
мне полнил душу бесконечный
поток, что сказку детства нес.

26. 06. 1964

В ГОДЫ ЮНЫЕ...

Еще белеет снег в низинах
и влажный воздух чуть парит,
а пробужденья дух незримый
мне томно голову кружит.

Хожу весь день, как бы страдая,
и ночью я не знаю сна:
под каждый шорох замираю
при мысли: «Где теперь она?..»

Ее одну хочу я видеть,
и для нее на все готов:
могу любить и ненавидеть
под россыпь трелей соловьев.

Порой совсем невыносимо:
сжимает сердце, грудь теснит —
к ней так влечет неудержимо,
как будто спрятан там магнит.

И что же так запало в душу,
истомы проиграв мотив,
внезапно мой покой нарушив,
незримой силою пленив?..

Быть может — взлет бровей высоких,
похожих так на крылья птиц,
иль взгляд задорный, синеокий
в миганье трепетных ресниц?

А может — мягкая улыбка,
что солнцу ясному сродни,
или же — стан, изящный, гибкий?..
Как без нее убоги дни!

Ей все к лицу, ей все подходит,
ее обличье — фей краса...
И в умиление приводит
тугая длинная коса.

Меня заманчиво так звали,
в объятья чар своих маня,
и неба синь, и прелесть далей,
но был лишь к ней прикован я.

И мне приятно было очень
бродить без усталости и сна,
мечтать под сводом лунной ночи
и думать: «Где теперь она?..»

26. 06. 1964

МЫСЛИ

Великая жажда познания
толкает нас вечно вперед,

чтоб тайны открыть мироздания,
и мыслям дремать не дает.

Сродни им фантазия тоже —
совместно обгонят и свет:
добраться им вовсе несложно
до самых далеких планет.

Рождаясь в земной круговерти,
уносится мыслей заряд,
взрывая объятия смерти,
с познанием стремится назад.

22. 07. 1964

НЕКРОЛОГ

Кто первый двинулся в поход,
утратив облик человеческий,
чтоб покорить другой народ, —
сейчас на это не ответить.

То был период дикарей —
им стали хищники примером,
жестокость собственных вождей...
И становился каждый зверем.

Цель: грабить, жечь и убивать —
инстинкта дикого порывы —
могла всегласно оправдать
любое действие в честь наживы.

Затем по прихоти царей,
властолюбивых и тщеславных,
призыв воинственных речей
уже звучал, как самый главный.

В поход готовились полки,
стояли начеку эскадры —
уже не копья, а штыки
пускались в дело, пули, ядра...

И слышались призывы вновь
к захвату новых территорий,
и проливали чью-то кровь
вояки разных категорий.

Надежда вся — на ближний бой:
стреляй, коли, лупи прикладом...
Простолюдинов за собой
вели всесильные магнаты.

Зов патриотов против войн
уже не раз звучал набатом:
тревожен временный покой —
над миром смертью реет атом.

...С земли сойдет удушья смог —
и мы, все люди континентов,
напишем войнам некролог
на звездной стеле монумента.

26. 07. 1964

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

А время движется рекой —
цепь непрерывная мгновений,
несущих в мир несметный рой
событий разных и явлений.

Оно следит, чтобы везде
был идеальнейший порядок,
чтоб в каждом атома ядре
происходило все, как надо.

И протекало б точно в срок,
не прекратилось бы движенье —
частиц невидимых поток
в своем летел бы направленье.

Чтоб не бездействовал геном
и без задержек чтоб деленье
происходило хромосом,
шло постоянно обновленье.

Еще — поддерживать во всем
по всей Вселенной в каждом месте
в неорганическом, живом
сравнительное равновесье.

Мгновенья каждого плоды
найти в любом нетрудно месте:
в фотонах, атомах звезды,
в глубоком клеточном процессе.

Течет поток, неумолим.
Неуловимые мгновенья...
Миг каждый жизнь несет одним,
других — уносит в мир забвенья.

5. 11. 1967

ДИВНЫЕ СТРАНЫ

Детство и юность давно отошли,
однако, как это ни странно,
мне неотвязно в туманной дали
мерещатся дивные страны.

Может быть, вовсе подобных и нет
нигде в бесконечной Вселенной,
но грезятся все ж наяву и во сне
они в красоте несравненной.

Мягкою сизо-зеленой травой
покрыты холмы и равнины,
ласково шепчутся пышной листвою
красавцы дубы-исполины.

Хóлода нет там и зноя совсем —
лишь легкого ветра дыханье...
А в перламутровой неба красе
парят неземные созданья.

11. 1967

ЛЮБОВЬ?..

Объят волнением я вновь —
тревоги, тщетные надежды...
Опять ко мне пришла любовь
и буду я страдать, как прежде.

Себя боялся выдать я
и показать свое вниманье —
знал: упорхнет ведь от меня
и осмеет мои страданья.

И скучно потянулись дни
сплошных надежд и ожиданий.
И были все они полны
тоски, тревог, переживаний.

Не избегая встреч со мной,
играла ловко в кошки-мышки.
И я бродил всю ночь порой
у ее окон, как мальчишка.

Страдать бы долго мне еще —
чувств безответных знаю муку...
Как ни любил я горячо,
но вдруг нам Бог послал разлуку.

29. 06. 1968

ЛУНА

Прикоснуться б к тебе и потрогать,
волшебства неземного занять...
Все дары твои, словно от Бога,
каждый счастлив всегда принимать.

Чистота, красота, безупречность —
я не в силах глаза отвести,
любоваться готов бесконечно
без печали, любовной тоски.

Но меня ты не слышишь, не внемлешь,
не желаешь моих знать тревог —
все глядишь равнодушно на землю,
а ведь я, как и ты, одинок.

Будто бы выполняешь работу:
красоты дать побольше, светла —

постоянно одна лишь забота,
чтобы ночь всем приятна была.

Очарованный блеском светила,
постигаю величье его:
в чем сокрыта влекущая сила,
безграничное в чем волшебство?

11. 10. 1968

НАДЕЮСЬ И ЖДУ...

Л.

Вновь сердце тревогой объято,
знакомо-растерянный вид...
Неужто сейчас, как когда-то,
судьба все опять повторит?

Такая же ждет меня участь —
страдать снова буду и пить...
Любовь меня эта замучит:
зачем же забор городить?

И все с каждым разом — моложе
стрекозы летают вокруг,
и что ни роман, то все — то же...
Но где настоящий мой друг?!

Сейчас мне совсем не до шуток —
страдаю, надеюсь и жду:
побыть бы хоть несколько суток
мне с нею, не вызвав вражду,

уйти, чтобы снова вернуться,
и снова любить, и мечтать.
Стою перед ней... Улыбнуться
боюсь, как и что-то сказать.

Она ж — никакого вниманья,
как будто меня вовсе нет.
Напрасны мои все старанья —
лишь взгляд непонятный в ответ.

Какой-то фривольно-случайный,
колючий, насмешливый взгляд
скрывает сердечные тайны,
но я и такому был рад.

Однажды, не помню, как случилось,
я просто зашел к ней домой —
она надо мной потешалась,
а был я изрядно хмельной.

Неловко мне было и стыдно:
«Что делать? Пускай говорит!»
Над чувством смеялась — обидно,
но Бог пусть ей это простит.

Внутри что-то вдруг надломилось,
в душе поднимался протест:
что прежде казалось так милым,
теряло теперь интерес.

И цепи мучений любовных
порвались, упали, звеня...
И думал, что эти оковы
уже не коснутся меня.

В полях одиноко безбрежных
я в мыслях брел с нею, любя.
Бежать от любви бесполезно,
равно, что бежать от себя.

10. 02. 1970

* * *

Пока безнадежно искал,
бродя и мечтая бесплодно,
случайно тебя повстречал —
ужели судьбе так угодно?

Ты смело ко мне подошла
и просто, с улыбкой взглянула
так, будто знакома была,
мне руку свою протянула.

Игривости детской полна,
ты бабочкой резвой порхала.
Моя на висках седина
нисколько тебя не смущала.

Такого сюрприза не ждал...
Сраженный чарующим взглядом,
я понял: ты — мой идеал,
но разве такое мне надо?!

В душе моей — прошлого дым,
поэтому было тревожно...
Похоже, что был я любим,
но чувствовал, что безнадежно.

20. 11. 1970

* * *

Явилась ты
в приют мой темный,
как света яркого
струя,
и сразу

радостью огромной
душа
наполнилась моя.
Всегда бы так
ко мне входила —
с улыбкой милой
на устах...
И солнце вечно бы
светило —
его лучи
в твоих глазах.
И тучи чтоб
его случайно
не закрывали бы
порой,
чтоб не мечтать,
не думать тайно,
а рядом быть
всегда с тобой!

27. 01. 1971

ДИСТИХ

1. Решительный момент

Любовью был я ослеплен,
она в меня вселила веру.
Был, видно, только я влюблен,
но понадеялся не в меру.

И наступил тот самый миг,
когда мне сразу стало ясно:
чего, казалось мне, достиг, —
засомневался вдруг напрасно!

В ее глазах упрек и зло...
Мне не понятна перемена.
Ах, что же все ж произошло —
неужто грянула измена?

Немало пролетело дней —
в моей душе жила тревога...
Но снова повстречался с ней —
вела себя со мною строго.

В удачу мало верил я —
и всем назло враждебным силам,
чувств, намерений не тая,
на покоренье сердца милой

со всей решимостью пошел,
хоть знал, что ждут везде преграды,
но был уверен: хорошо
все будет, коль с умом, как надо

к проблемам жизни подойти
и без тревог и страха — смело

убрать препятствия с пути
и отнестись серьезно к делу.

Начало стоило конца —
сезам души ее открылся:
в любвеобильные сердца
стрелой амура демон впился.

4. 02. 1971

2. Нить надежды

И демон злобный не дремал —
из сил своих старался всех:
ему покоя не давал
мой упоительный успех.

Я знал — готовится удар,
но отвести его не мог,
хотя и был еще не стар,
но и не молод, видит Бог.

Я знал — удар неотвратим:
неравны силы для борьбы,
ведь поединок был незрим,
как глаз недремлющей судьбы.

Как бы в секрете есаул,
иль воплощение темных сил, —
за мной, куда б я ни свернул,
мой беспощадный рок следил.

На этот раз он не завлек
меня с собой на прежний путь,
где был всегда я одинок
и никуда не мог свернуть.

Не обманулся в чувствах я —
разлуке никогда не быть:
в надежды тоненькую нить
вплелась семьи моей тесьма!

4. 02. 1971

У КОСТРА...

Какой-то силой непонятной
костер пылающий манит.
И без конца глядеть приятно,
как беззаботно он горит.

Часами можно так бездумно
на языки огня глазеть,
как он, треща или бесшумно,
способен весело алеть.

А если мысли и находят,
то безотрадные они:
мол, так и дни мои уходят,
как эти милые огни...

И если сквозь такую призму
смотреть на сотни лет вперед,
картина, полная трагизма,
перед глазами предстает:

никто не вспомнит, не расскажет
о тех, кто здесь вокруг, сейчас...
Не будет этого пейзажа
и всех давно не будет нас.

Ничто подлунное не вечно —
все в ярком пламени сгорит.

Угаснем тихо мы, как свечи,
и в прах нас время превратит.

И будет жизнь кипеть, смеяться,
и кто-то свой напишет стих
и у костра под гром оваций
прочтет для сверстников своих.

4. 03. 1972

* * *

Не верю, что радость пришла...
А где же ты раньше была?

В борьбе постоянной с собой
гонялся всю жизнь за тобой.

Но время безжалостно шло
и годы мои унесло.

Ни весен расцвет, ни тепло —
ничто мне помочь не могло.

Надежды тонули во мгле,
добавив морщин на челе.

Ни просьб и ни стонов мольбы:
и встреча — издевка судьбы.

И чувств наших бурный каскад,
которым я рад и не рад...

Мне кажется — это игра:
моя пролетела пора.

11. 09. 1971

* * *

Угасший день с нещадным зноем
сменился свежестью ночной.
Природа замерла в покое
под бледнолицую луну.

Спешу в простор, вдыхая свежесть,
в даль притаившихся полей, —
туда, где рос обилье нежит
прохладой терпкою своей.

Иду в безмолвии тревожном,
и ни души — лишь тень моя
плывет неслышно, осторожно,
как бы преследуя меня.

Все красотою взор ласкает,
спит зачарованный Эол,
сияньем чудным окаймляет
тень серебристый ореол.

5. 07. 1972

УЛИЦА

Не улица — река живая,
неиссякаемый поток,
на рукава два разделяя
ее, путь транспорта пролег.

На первый взгляд, поток единый,
а каждый ведь — сам по себе:
кто — на базар, кто — в магазины...
И так весь день — в делах, в ходьбе.

Свои у каждого заботы
и цель у каждого своя:
кто — на работу, кто — с работы...
И в этом сущность бытия.

Уходят в тень — не так довлеют
тут даже горе и беда,
тьень обреченности, что реет
с мечом дамокловым всегда.

Но, забывая осторожность
на переходах, мы порой,
не посмотрев на знак дорожный,
рисуем, право, головой.

В испуге вспоминаем Бога,
когда угроза пронеслась...
Как в жизни надо нам немного,
чтоб утратить над нею власть.

31. 12. 1972

* * *

Не стану спорить — вкусов много,
но лично мне всего милей
в простор ведущая дорога,
даль необъятная полей.

Само раздолье где гуляет,
хлеба волнует и траву,
где небеса простор ласкают
и ввысь уводят — в синеву.

Где чистота сама и свежесть,
и вечно юный аромат,

и где в лучах обильных нежась,
с ветрами нивы говорят.

Уходит змейкой в рожь тропинка,
над ней склонились стебельки,
меж них ответной голубинкой
глядятся в небо васильки.

Родным, приветливо-манящим
всегда мне кажется простор,
где серебра каскад звенящий
рассыпал жаворонков хор.

18. 06. 1973

АВГУСТОВСКОЕ УТРО

Какое утро свежее!
Какое небо чистое!
А синь какая нежная,
прозрачно-шелковистая!

Ажурную, бугристую
вуалью белоснежную
вязь тучек серебристая
вписалась в синь безбрежную.

Гипюровое кружево
из чистой бели выткано.
В лучах сияет утренних
небесною улыбкою.

Приветливое солнышко
из-за верхушек выплыло —
янтарно-зрелым зернышком
из колоса пшеничного.

Лучей остистых веером
сквозь сеть листвы проглянуло
и золото рассеяло
по веткам над поляною.

Фонтанчиками-брызгами
просветы все заполнило
и заиграло искрами
и радужными волнами.

Сияет утро ласково
улыбкою печальною —
подарок солнца ясного
перед дорогой дальнею.

5. 09. 1973

НА ИСХОДЕ...

На другую солнце
перешло орбиту —
ближе к горизонту,
дальше от зенита.

С каждым днем заметней
спад его накала —
за период летний,
знать, оно устало.

Отшумели ливни,
отгремели грозы.
Потускнели листья
на ветвях березы.

В мареве не тонут
голубые дали

и поля просторней
и прозрачней стали.

Ласковое небо
бровь свою не хмурит.
Не трепещут листья
в ожиданье бури.

В нежной чистой сини
без конца и края
облака застыли
лебединой стаей.

В зелени деревьев —
кое-где желтинки:
на висках у лета
первые сединки.

08. 1974

* * *

Пусть не броска, не криклива
края нашего краса —
чем же так влекут нас нивы
и тенистые леса,
синеглазые озера,
в дымке розовой луга,
птиц веселых разговоры,
рек спокойных берега?
Тихой прелестью и лаской,
мягкой нежностью своей,
тайным шепотом, что сказкой
сон баюкает полей;
листьев шелестом певучим,
вод застывших синевой

и настоем трав пахучим
над лугами за рекой.
А еще — сокрытой силой,
непонятной никому...
Без конца родной и милой,
близкой сердцу моему.

26. 08. 1974

* * *

Быстро лето прошло золотое
и лазурь побледневших небес
не сверкает, как прежде, от зноя,
не звенит птичьим гомоном лес.

Буйство зелени, яркость цветенья
отзвенели, ушли до весны.
Бабье лето на праздник осенний
прилетело, забыв свои сны.

Фон зеленого пламени — символ
жизни вечной, немеркнущий свет,
что несет нашу веру сквозь зимы
в обновленья зеленый расцвет.

9. 09. 1974

БУКЕТ ПУСТЫРЯ

Мне мил не только луг цветущий
со всем обильем сочных трав,
так чистотой своей влекущий,
как сень прохладная дубрав.

Мне дорог прелестью особой
вид захламленный пустыря,
что меж забором и дорогой —
на месте бывшего двора.

Свое начало от дороги
берет живой зеленый мир,
где отделен чертою строгой
от шумной улицы пустырь.

Песочек, пыль — земля родная,
она всему живому мать,
травинки сохнут, увядая,
коль от земли их оторвать.

По существу — они едины,
своим содружеством сильны,
и лишь как фон и суть картины
на мира два разделены.

Они — природы составные,
две части целости одной:
пылинки почвы неживые
и мир цветущий, мир живой.

И человек тому виною,
что пыль бесплодная лежит,
а рядом зеленью густою
пустырь заброшенный покрыт.

Под солнца яркими лучами,
впитав его тепло и свет,
цветет и днями и ночами
природы радужный букет.

Вдоль полосы седой, сыпучей,
по обе стороны лежат
ромашки — коврики — пахучей,
свой источая аромат.

Пусть яркой, броской красотой
не отличаются они,
но вдохновенного настоя
от низа доверху полны.

Как многоглавые соборы, —
ряд золотистых куполов:
какие дивные узоры —
шедевры тайных мастеров!

Кто так невидимую кистью
дал позолоту куполам,
ее игольчатые листья
расставил четко по местам?

Вдоль колеи по всей дороге,
как войско целое солдат,
на прочных стеблях, тонконогих,
в ряд подорожники стоят.

И не остисты, и не колки —
стремятся к солнцу колоски,
они подобны шишкам елки,
в них зерен тонкие рядки.

Бурьян хозяином по праву
здесь место занял на бугре,
он больше, чем другие травы,
необходим на пустыре.

А рядом — рощицы крапивы
густою зеленью манят,
они не менее красивы,
чем остальных растений ряд.

Добра крапива, безобидна,
а пеканет уж если вдруг —
ее безвредность очевидна,
и человеку она — друг.

Стоят полыни кущи сизой —
приятен вид ее цветков:
блестит от верха и до низу
сыпь золотистых огоньков.

И красоте сродни суровой
ядренный, крепкий аромат,
чуть горьковатый, но здоровый,
ценней всех запахов стократ.

Тысячелистник вездесущий
раскинул зонтики-шатры,
где одинокий, а где в кущах —
ему не чужды пустыри.

Совсем в глухом углу, тенистом, —
ежи могучих лопухов
так ошетинились ершисто:
любой вцепиться в чуб готов!

А в розовато-белых чашках —
медовый запаха настой:
вьюнка здесь нет, пожалуй, краше
с его завидной чистотой.

Единственный, и чуть в сторонке —
на нем монисто из монет —
стоит щавель высокий, конский,
весь будто в золото одет.

Такой нарядный, златоглавый —
какой величественный вид!
В нем сонм бубенчиков в оправе:
кажись, затреть — и зазвенит.

А скраю, где бугор песчаный,
там мать-и-мачеха растет;
у ней особая есть странность:
смотри лицо и оборот.

Теплом листа низ обеспечен:
в нем — признак матери родной;
а верх сулит, холодный, встречу
со свойством мачехи чужой.

Еще — вербейник золотистый
усеян множеством цветков,
один, как деревце, ветвистый,
ничем не взял — как есть, таков.

Здесь не хватает Иван-чая,
Иван-да-Марьи тоже нет,
но оттого я не страдаю —
здесь свой, особенный букет.

6. 07. 1975

ОРАНЖЕВЫЙ ЗАКАТ

Не искрился закат, как обычно,
не блистал всей палитрой зари,
а светился совсем непривычно
сочным маревом, тлел изнутри —
будто зрелость плодов апельсиновых
в необъятный собрал океан,
желтизну бурь песчаных пустынных,
превратив в золотистый туман;
будто вихри вселенского зноя
свой, застывший, оставили сплав.
Пронеслись, разметая все злое,
неземное свечение создав.
Чувств неясных поток вызывает:
в нем те самые силы одни,
что и в мареве лунном пленяют,
и таинственным силам сродни,
что волнуют меня и поныне,
в неизвестные дали маня,
как мираж в раскаленной пустыне,
как мерцанье ночного огня.
Отголосками бурь тех далеких
поселились навечно в душе
беспокойство, волненье, тревоги
и манящий призыв в мираже.
Озабочен таинственной силой,
что влиянья такого полна,
что неведомый смысл затаила —
мне созвучна той силы струна.
Может, он был таким в день рожденья,
этот, тайного смысла, закат
в час на свет моего появленья
весь оранжевой дымкой объят.

Озарен, может, этим свеченьем,
когда видел его в первый раз,
поселив в детском сердце смятенье,
что волнует меня и сейчас.
Может быть, в этой мгле расплылись
лучших дней золотые мечты
и, застыв, в божество превратились
в вечном мире Добра, Красоты.
Может, лучшее счастье мгновенья
и томленья души в час любви
навсегда превратились в свеченье,
получив свое: «вечно живи!»
Мои грезы не там ли застряли
и надежд всех несбывшихся зов,
потому так влечет в эти дали
и тревожит меня вновь и вновь.
Может быть, в том свеченье застыли
так же светлые предков мечты,
страсть желаний великих, что были,
счастья, радости и доброты.
И теперь, воскрешая былое,
может, я возвращаюсь назад,
чтоб узнать нечто то, дорогое,
что они мне поведать хотят.
Мне мерещится вечное в этом —
все великое, светлое в нем,
что осталось от бурь на планетах,
что в борьбе уцелело со злом.
Не бывает там бед и печалей,
ни болезней, ни прочих невзгод:
там, в просторах космических далей, —
беззаботный и вечный полет.

10. 07. 1975

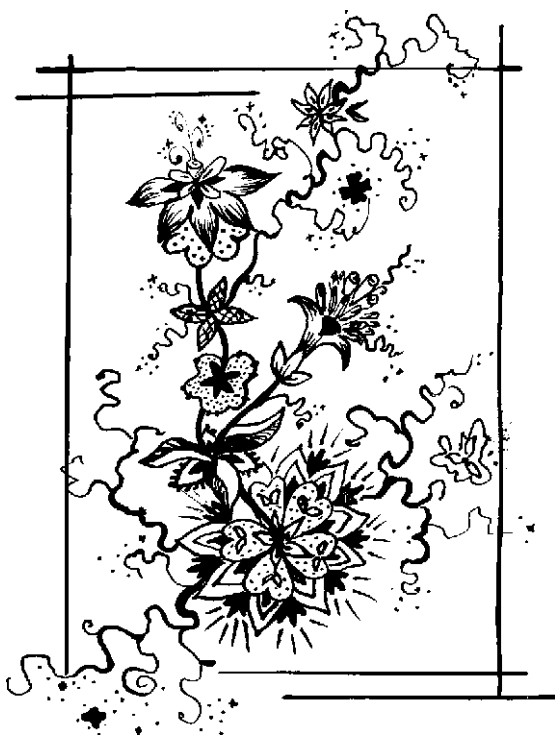
ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДИК

В день звенящий летний —
в самый знойный полдень —
появилась тучка
с ярким блеском молний.
Огненные стрелы
почерком знакомым
расчертили небо
высоко над домом.
Будто в подтвержденье
принесенной вести,
ветер на деревьях
потревожил ветви.
Дерзкими рывками
закачал вершины —
и поток шумливый
сразу дружно хлынул.
Весь простор закутал
вязью кружевною.
На траву ложился
льдистой бахромою.
И стучал, и прыгал
по зеленым листьям —
капли на деревьях
бисером повисли.
И ходил по лужам
густо пузырьками.
И бежал в низины
с горок ручейками.
Все вокруг шумело,
с треском грохотало...
Тишины и зноя —
будто не бывало.

Пронеслася туча
грозною лавиной
и вдали застыла
мрачным исполином.
За собой оставив
тонкий шлейф белесый,
продолжавший сеять
жиденькое просо.
Высоко, под сводом,
глухо и крылато
все еще носились
грозные раскаты.
Но простор весь будто
рассмеялся звонко —
радостной улыбкой
выглянуло солнце:
ярко засверкало,
празднично, лучисто,
сонмы искр рассыпав
в каплях серебристых;
хлынуло в пространство,
золотой канвою
распростерлось между
небом и землею...
А в канву, вплетаясь
нитью серебристой,
сыпал все и сыпал
дождик мелкий, чистый.
Всюду заиграли
зайчики-смешинки,
весело искрились,
как зимой снежинки.
Все цвело улыбкой,
все вокруг искрилось,

будто бы звенело,
радостью светилось.
И какой же дивной
выглядела эта
сотканная дымка
из дождя и света!

16. 07. 1975

ФОМА

Поэма

1

Забором каменным, могучим
усадыба вокруг обнесена.
С высокой вышки, что над кручей,
вся территория видна.

Дворец роскошный, сад фруктовый,
красивый парк, просторный двор...
Везде порядок образцовый
и радует, и тешит взор.

А возле сада от калитки —
труда упорного плоды —
вдоль протянулись, как по нитке,
деревьев строгие ряды.

У входа в парк — бассейн, фонтаны,
скульптуры, клумбы, цветники.
Повсюду — липы и каштаны,
жасмин, сирени островки.

Крыльцо и дверь, и вход парадный,
орнамент — благи восторг.
Вид придан тут всему нарядный
лентяйству праздному в укор.

И далее — полей просторы,
церквей извечная краса...
Вплоть до соседних территорий
непроходимые леса.

2

Так вот — за каменным забором
помещик знатный проживал.
богач тот самый, о котором
по всей округе шла молва.

Он был шутом и хлебосолом —
всего на свете знатоком.
И даже отдаленным селам
был тоже якобы знаком.

Себя считал он всех мудрее,
о чем любил потолковать.
Премудрость истин ахинеяй
мог, не задумавшись, назвать.

И анекдот приобретенный
пускал легко в среду гостей —
пусть недалеких, но почтенных
приблуд и ябед всех мастей.

Он знал: чтобы себя прославить
и слыть в округе мудрецом, —
необязательно лукавить
и притворяться подлецом.

3

Известно, дед его покойный
умен был, мудр и не хвастлив.
И жизнь свою прожил достойно.
Он справедливо разделил

свое меж братьями именье,
чтоб те без ссоры и обид

в порыве жили вдохновенья —
как совесть каждому велит.

И долго жизнь текла их дружно.
Затем брат старший Никанор
подался в Петербург на службу,
оставив младшему свой двор.

Тит (младший) сразу после свадьбы
в хозяйство коррективы внес:
за пару лет он на усадьбе
все перестроил, перетрес.

Уважил и крестьян дворовых —
впрямь не был здесь никто забыт:
помог им и в постройках новых,
и скудный их улучшил быт.

Он дал мастерам свободу —
немалый риск для тех времен —
на право летнего ухода
в любой желаемый район.

Нашлось охотников немного,
а вскоре тот, кто и ушел,
спешил в обратную дорогу —
в объятья нив родных и сел.

4

Прошли года... Настал век новый
и технологий, и идей.
Кто слыл с рожденья бестолковым —
тот мудрым стал, как иудей.

В семье — на то и воля Божья! —
бывает всякое порой:
родился мальчик непригожий —
назвали отрока Фомой.

Сынок единственный у Тита
не шибко грамоту любил,
но из отцовского корыта
он куш хороший отхватил.

Именье крупное по праву
Фоме досталось одному.
А были вовсе не по нраву
порядки старые ему.

Не увлекался он искусством,
науки — тоже ни к чему.
Честь, совесть и благие чувства
присущи не были ему.

Он рос отменным шалопаем —
беда для юношеских лет
не столь, быть может, и большая,
когда б родительский завет

сын чтил и помнил постоянно,
блюл все обычаи и лад...
Но он, как лодырь несказанный,
всем наставленьям был не рад —

упрямо шел своей дорогой,
пока в трясине не погряз...
Забыл людей, забыл и Бога,
который бы его и спас.

Его тянуло в омут пьянок
и ежедневных кутежей...
Он обменял на куртизанок
свободу юности своей.

Отец не выдержал — скончался
и мать сошла в гроб без поры...
Фома кутил — грешил и дрался,
играл в картишки до зари.

И было чуть не утопился,
когда деревню проиграл...
Потом — во всем преобразился:
как будто человеком стал.

Нигде в питейных заведениях
уже не видели Фому —
ушел в себя на удивленье,
занялся делом на дому.

И мужики пить перестали —
работать вышли на поля.
«Какие выкинет, — гадали, —
их барин нынче фортеля?..»

А он — подался в зарубежье,
где дни и ночи проводил
в библиотеках. И прилежно
читал, записывал, зубрил.

Ученых мудрых фолианты
штудировал в один наскок.
Их мысли — чудо-бриллианты —
копились памятно и впрок.

Седобородый муж рецепты
устройства мира предлагал,
хотя никто его концепций
всерьез нигде не принимал.

Он предлагал порядок новый
и обещал всем верный путь,
и был уже совсем готовый
зараз весь мир перевернуть.

Трудиться всех хотел заставить,
в чинах и званиях уравнивать.
Совет старейшин должен править
и прибыль всю распределять.

Обуют каждого, оденут,
и пищу нужную дадут —
за так, без золота и денег,
за пролетарский ратный труд.

И бывший раб, расправив плечи,
уже не раб — труда герой.
А заболает: что ж — подлечат,
поставят снова в прежний строй...

Фома читал сей труд усердно —
в глазах его ярился свет:
свое именье, худо-бедно,
он выведет на верный след!

На непослушных — он управу
найдет: в глуши есть много мест...
И — будь то левый или правый —
исправит быстро всех арест.

6

Удивлены в именье были:
Фома вернулся не один...
Его как будто подменили —
стал очень важный господин.

Отнюдь совсем не сумасбродство
руководило им в делах —
всерьез наладить производство
решил в своих он деревнях.

И новых шапочных знакомых
к себе в прислужники склонил.
Оставлен был из всех дворовых
лишь управляющий Кирилл.

Фома усердствовал, старался —
ввел много разных должностей,
чтоб без доходов не остался
никто из преданных друзей.

Набрал помощников и замов
без лишних споров и помех.
Приезжим закордонным дамам
достался флигель для потех.

7

Гуляли долго — пили, ели...
Кругом притихло мужичье.
И наконец-то, отрезвели,
взяв курс на новое житье.

На заседании решили
реформам дать зеленый свет:

Совет старейшин учредили,
еще — Особый комитет.

Неимоверною ценою
дворец был новый возведен,
могучей каменной стеною
вокруг надежно обнесен.

В сей неприступной цитадели
Фома с кагортою своей
именем так и сяк вертели,
а с ним — и судьбами людей.

Летели грозные депеши
в селенья, где порядка нет,
где каждый житель чем-то грешен...
Не спал Фома и комитет.

А люд крестьянский, подневольный,
с утра до вечера пахал:
не ожидая горькой доли,
он в гнет безудержный попал.

Везде надсмотрщики следили
за контингентом трудовым.
Тут мало ели, мало пили —
был каждый трупом, но живым.

Трудился люд, роптать не смея,
от ига тяжкого стонал
и втайне главного злодея,
как только можно проклинал.

Всех неугодных, ненадежных
сатрап по тюрьмам рассылал.

И много кто в глуши таежной
в затылок пулю получал.

Вокруг — посты сторожевые,
пикеты, вышки у дорог...
Следили зорко часовые,
чтоб убежать никто не смог.

И отрешенно думал каждый —
он сожалел о том до слез, —
что обещаниям однажды
Фомы поверил был всерьез.

8

Навек прославиться желая,
Фома себя перемудрил:
соседей в гости приглашая,
за панибрата с ними был.

Старался он, как только можно, —
весь ум и хитрость прилагал.
В застолье каждом осторожно
свои идеи продвигал.

— Здесь все по плану, по порядку...
Ну где еще — в каких краях
такие овощи на грядках
и урожаи на полях?!

Растут привесы и надои
все больше, выше каждый год.
А сколько делаем и строим?..
Достигли вон каких высот!

На благо нашего народа, —
Фома на рассказах был плут, —

аптеки, фабрики, заводы...
У нас добротнo все живут!

В деревни ближние, на фермы,
Фома гостей своих водил...
Маршрут, испытанный, был верный
и никогда не подводил.

Деревни эти, что картинки:
мощеных улиц чистота,
дворы ухожены, тропинки,
дома, заборы, ворота...

Тут краски, видно, не жалели —
во все раскрашены цвета
калитки, крыши и панели,
другие видные места.

Дома добротны все. Сарай
под стать им в глубине дворов.
Бродили кур и уток стаи.
В поленницах излишки дров.

В зеленом буйстве огороды,
а рядом — пышные сады
на почве тучно-плодородной
сулили сочные плоды.

А на полях стеной, густые,
хлеба богатые росли,
зерном колосья налитые
сгибались низко до земли.

И выгон — вроде пасторали:
здесь стадо тучное паслось...

И пастухи того не знали
во что все это обошлось.

Крестьяне радостно встречали
Фому и всех его друзей.
Нарядны все — как будто ждали
к себе непрошенных гостей.

9

На торжество однажды летом
к Фоме с утра со всех сторон
съезжались экстра-драндулеты,
плыл бубенцов веселый звон.

Не только те, что здесь бывали, —
явились многие из тех,
скеплично что воспринимали
Фомы невиданный успех.

И даже зубоскал куражный —
уездный барин Ерофей
был у Фомы он лишь однажды —
ходил, как гусь, среди гостей.

Он относился с недоверьем
к сему «державному» прыщцу.
И наконец решил: «Проверим...
Фоме я нынче отомщу!»

Напропалую пировали:
обилье яств, вино — рекой;
играли, пели, танцевали...
И восхищались все Фомой.

После обжорного банкета
приглашены все были в парк,

где мягкой негой фиолета
струился солнечный загар.

Фома с толпою оживленной —
сам впереди, в кругу друзей, —
путь предложил определенный,
что уводил в простор полей.

Не всем понравилась затея,
но все ж — пошли, коль Сам решил.
А у Фомы — своя идея:
смотрите, мол, каков мой тыл.

Со всей компанией веселой
Фома отправился в вояж,
чтоб показать им... Нет, не села,
а своего ума багаж.

Когда на спад пошло похмелье,
свернули в рощу, где их ждал
богатый стол, самоваренье —
напитков местных арсенал.

Но два помещика, а с ними
и ловкий барин Ерофей,
ушли кустами полевыми —
покинули своих друзей.

Все было ясно, что для вида
тут вся картина создана,
а потому — указка гида
им здесь и вовсе не нужна.

Лощиной вышли на дорогу —
пред ними долгий путь лежал,

пешком пройти пришлось немного:
мужик в телеге их нагнал.

Не сразу, правда, согласился
он взять господ к себе на воз,
и торопясь перекрестился,
когда услышал скрип колес.

Подумал: «Тяжело кобыле!..
Ого, такие битюги!»
Спросил: — Чего вы тут забыли?..
Вы не шпионы — не враги?!

— Мы у Фомы три дня гостили...
— Нам надоело пить и петь...
— Вот, собственно, пройтись решили —
деревню вашу посмотреть.

«И кто ж вы будете?.. Откуда?
— возница думал и гадал: —
Ушли-таки от лизоблюда?..
Старееет Хомка — проморгал».

— Я вам скажу, Фома наш, Титыч,
не терпит всяких смотрунов...
Что вас подвез, он закантичит
меня в Сибирь... Ведь он таков!

Тут Ерофей достал купюру
и молча мужику подал,
чтоб темпы нужного аллюра
он при поездке соблюдал.

Увидев ценную бумажку,
мужик ее, конечно, взял

и, сунув быстро за рубашку,
обратный путь пообещал.

И Ерофей промолвил строго:
— В село свое нас отвези!
О вас наслышаны мы много...
Живете впроголодь, в грязи.

Другой спросил: — Тебя как звать-то?
— Никитой был и остаюсь...
— А мы, как видишь, не на свадьбу...
Фома ваш — ох! — прехитрый гусь.

— Да нет, не гусь, а жадный волк он, —
сказал мужик и посмотрел
на Ерофея взглядом колким. —
Он на обманах — зубы съел!

— Фома — хвостун небезопасный:
вблизи деревни — напоказ,
а заявляет громогласно,
что он живет богаче нас.

Сегодня, — Ерофей учтиво
заулыбался, — этот волк
от нас получит в хвост и в гриву!..
Вот прокурор — он знает толк, —

и на дружка — сидел с ним рядом —
кивнул. — О, сударь, ты угрюм?..
Да мы — Фому такого, гада,
надолго упечем в тюрьму,

устали от его фурора!..
— Хм... А раньше — были где? —

мужик взглянул на прокурора. —
Живал в осином-то гнезде?

— И часто... Знаете, я с дамой
встречался... Чуть было не влип...
А, собственно, скажу вам прямо:
я, как и все, не без улик...

— Да ладно, Фрол, забудь на даму:
ты нужен был — Фоме, не ей.
На поле глянь — сплошные ямы!
Вот и паши здесь, вот и сей...

— Живем — и быть не может хуже, —
мужик в сапог засунул кнут. —
Живем в раю... Кому он нужен?!
Уйти бы, но а где нас ждут?

10

И вот — забытая деревня:
убогих хижин узкий ряд,
красивы лишь одни деревья,
что за околицей стоят.

Гнилые, ветхие заборы,
дворы крапивой заросли,
крестьяне в нищенских уборах,
детишки роются в пыли.

— А там что? Кажется, подвода? —
спросил Никиту Ерофей.
— О, там, на общем огороде,
одни рабы... И нет людей.
Туда как раз — нельзя мне с вами, —
Никита придержал коня. —

Начальство там... И все — с кнутами.
Увидят — так прибьют меня.

Забеспокоился Никита:
«Быстрее надо уходить...
Задержат — будет волокита,
с панами нечего шутить...» —

и резко повернул обратно,
забыв совсем о седоках,
те заартачились, понятно:
— Езжай вперед, уйми свой страх!

И тут — негаданно-нежданно —
к ним всадник быстро подскакал,
он удивлен был несказанно,
спросил: — Вас кто сюда послал?!

— Да мы у Титыча гостили, —
степенно начал Ерофей, —
пошли гулять — и заблудили...
Вот, мужика уговорили,
назад отвез чтоб поскорей.

На них глядел начальник зверем,
молчал и думал, наконец
сказал: — Поехали, проверим...
Айда за мною во дворец!

А там — царило оживление:
плясали прямо у крыльца,
все пили, ели — угощенью
не будет, видимо, конца.

Но вот к парадному подъезду
мужик Никита подкатил:

не рад Фома его приезду —
хамло гостей его смутил...

На нем — заплатанная свитка,
дырявые, как сеть, портки...
Прошли в открытую калитку
Фомы бывалые дружки.

Признаться сам себе не смея,
что из троих он презирал
лишь правдолюбца Ерофея,
который костью в горле стал!

— Вот и пропавших дождались мы!.. —
вдруг обратился к стопарю: —
Налей штрафные им! — Он мыслил
пройдох унизить. — Говорю

я вам не в первый раз, поверьте:
по пьяни можно не минуть
такой нежданной крутоверти,
откуда лишь — в могилу путь.

— Не пьяны мы, все это видят,
— сказал корректно прокурор. —
Тебя крестьяне ненавидят...
Ты губишь их — какой позор!

И сколько можно нас дурачить?
Под хвост собаке твой успех!
Твои в глубинке люди плачут,
а здесь всегда — галдеж и смех.

— Мы неспроста там оказались, —
был Ерофей чрезмерно зол. —

Иначе как бы мы узнали,
что здесь творится произвол?

Твое вранье, твои обманы —
удушье для твоих людей!..
— Вы, сударь, будете сосланы
в Сибирь, как жулик и злодей. —

И прокурор махнул Никите:
мол, подожди, не уезжай,
а погода, сказал: — Везите
меня в уезд, — и дал на чай.

06. 1963

Содержание

Осень	4
Лес	4
Осуждение	5
О наступившем годе.....	6
Первый снег	6
Осел	7
В день рождения	9
Летняя ночь	10
* * * Привет, красавица моя!	10
Вечеринка	11
Этого не забыть.....	11
Три ели	12
В лагере осенью.....	13
Мои «друзья»	13
Кюхля	14
Усадьба	15
Ее глаза	16
Фотокарточка	17
В Сиверске	17
Дальнейший путь	17
Желание.....	18
Последняя липа	18
Непогода	19
Жара	20
Подлецы	20
Цветок	21
* * * Зачем в удел.....	22
* * * Теплом косых лучей согретый.....	22
* * * Гладью размашистой белое поле.....	23
* * * Всю жизнь.....	23
* * * В вечерней чуткой тишине	24
Голос Неисполнимого	25
* * * Пронеслася тучка.....	26
* * * Престранно наш устроен мир.....	27
Лодырю	28
* * * Всем богатством.....	29
Отставник	30
Увядание	32
Симфония жизни	33
Наша жизнь	37
Перед закатом	39
Вьюге наперекор.....	40
Злодейство	41
* * * Встречный ветер.....	42
Молчу.....	43
Дыхание весны	44
Сосед	45
Восход Луны	49
Пути в науку не легки.....	50
Ночная гроза	53
Прощальный аккорд	55
Разнообразии	55
Прощание с прошлым	56
Садовник	58
Реквием	58
Непоседы	59
Весенний разлив	60
Картины детства.....	61
В годы юные.....	63
Мысли	64

<i>Некролог</i>	65
<i>Уходящее время</i>	67
<i>Дивные страны</i>	68
<i>Любовь?</i>	68
<i>Луна</i>	69
<i>Надеюсь и жду</i>	70
<i>* * * Пока безнадежно искал</i>	72
<i>* * * Явилась ты</i>	72
<i>Дистих</i>	74
<i>У костра</i>	76
<i>* * * Не верю, что радость пришла</i>	77
<i>* * * Угасший день с нещадным зноем</i>	78
<i>Улица</i>	78
<i>* * * Не стану спорить</i>	79
<i>Августовское утро</i>	80
<i>На исходе</i>	81
<i>* * * Пусть не броска, не криклива</i>	82
<i>* * * Быстро лето прошло</i>	83
<i>Букет пустыря</i>	84
<i>Оранжевый закат</i>	88
<i>Веселый дождик</i>	90
<i>Фома</i>	93

Литературно-художественное издание

Левкович Вячеслав Иванович

Букет пустыря

Стихи, поэма

Редактор *А. Масаренко*

Обложка *Л. Мележ*

Корректор *Н. Рожкова*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*